

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

*Перевод с французского Вадима Алексеева **

Окна

Как слабый человек, оставленный в больнице
Среди постылых стен, подъемлет жадный взор
К распятью, что глядит, зевая, как клубится
Зловонный фимиам в банальной складке штор,

И, в корчах распрямив свое гнилое тело,
Он тянется к окну, где буйствует рассвет,
Прильнувши лбом к стеклу, впивать оцепенело
Щетинистым лицом прекрасный, яркий свет,

И воспаленный рот, изведав скорбь утраты,
А прежде юный, пить восторг лазурных струй,
И пачкает слюной горячие квадраты,
Вонзая в пустоту блаженный поцелуй,

И, презирая смрад кадила и еля,
И время, что течет бессмысленно и зря,
Смотреть через стекло, от радости хмелея,
Как медленно встает кровавая заря,

Где золотых галер воздушные армады,
Как лебеди, плывут по пурпурной реке,
Чьи сеют молнии душистые громады
С такой беспечностью в лазурном далеке!

Так, оскорбься, душой, погрязшей в липкой мрази,
Где жрет само себя, вдыхая смрадный чад,
Желанье отыскать ошметки этой грязи
И матери вручить, кормящей своих чад.

И я припал к окну в бессилии жестоком,
Чтоб не смотреть вокруг и, в зеркале стекла,
Омытом голубым, как золото, потоком,
Узреть и возомнить из грязного угла:

* СТЕФАН МАЛЛАРМЕ — Стихи (*Перевод с французского Вадима Алексеева*)
// Алексеев В.В. *Album Rotaput: Коллекция переводов* (М.: Прометей, 1989), с.
50–61, 89–93.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

Я — Ангел! Я люблю, я жду, я умираю.
Пусть стекла будут сном, условностью, мечтой,
Что рвется изнутри к возвышенному краю,
Как лучезарный нимб, зажженный Красотой!

Но тщетно, этот мир сильнее. Его уродство
Низвергнуло меня в блевотину и гной,
И вот, осатанев от мерзости и скотства,
Я зажимаю нос перед голубизной!

И, выломав кристалл, измученный, теперь я,
Как оскверненный монстр, ползу на животе,
Чтоб выброситься вниз на крыльях без перьев!
— Рискаю не упасть в бездонной пустоте?

Звонарь

На заре с колокольни, когда переливы
Рассыпаются нежно, как звон хрусталя,
Где лопочет младенец и шепчут оливы,
И душистые пахнут лавандой поля,

Над челом звонаря прянет птица пугливо,
Он с лампадой в руке, на латыни скуля,
Воспарив на веревке, канючит тоскливо,
Еле слышимый гул иступленно хуля!

Тот звонарь — это я. Жадной ночью туманной,
Оперенный грехом, я звоню в Идеал,
Извлекая в ответ, сквозь дрожащий металл,

Только хрипы и хлипы из полости странной.
Сатана! Но однажды и я утомлюсь,
Выну камень из петли — и в ней удавлюсь.

Летняя печаль

В улыбке пополам с подавленным зевком
Мешая горечь слез с беспечностью влюбленной,
Ты дремлешь, ослабев, сомлевшая, ничком
Под солнцем, на песке — от страсти утоленной.

Был в странной тишине так глух и незнаком,
О робость губ моих! твой голос утомленный:
«Нам в мумию одну в гробнице под песком
Не слиться никогда в пустыне раскаленной!»

Но волосы твои — та теплая река,
Где душу утопить, уснуть бы на века,
Достичь Небытия... О, если бы ты знала!

Поплачь, я выпью тушь с ресниц твоих, и в ней,
Быть может, отыщу для сердца, что устало,
Покой голубизны, бесчувственность камней.

Вздох

К веснушчатому дню, где дремлет, светл и тих,
Осенний теплый лоб в рыжинках золотых,
И к зыбким небесам заоблачного взгляда
Влечет мой грустный взор, как будто в чаше сада
Вздыхающий фонтан к лазурной вышине,
К Лазури, что, смеясь в зеркальной глубине,
Любуется своим бездонным отраженьем,
Роняя вниз, вослед за мертвенным круженьем
Листа, что проалел холодной бороздой,
Свой длинный желтый луч, надломленный водой.

Лазурь

Надменная лазурь, предел земных сомнений,
Глядящая в упор, бездушно, как цветы,
Униженный поэт хулит твой ясный гений
Сквозь золотую боль слепящей пустоты.

Зажмурившись, бегу. Но чувствую ликуя,
Она глядит, глядит, как совести укор,
Насмешливо и зло! Какую ночь, какую
Швырнуть, швырнуть, швырнуть в ее бесстыдный взор?!

О морок, защити от этой наглой сини!
Пусть нудные дожди, пронизанные мглой,
Размажут липкий мрак по слякотной трясине,
Зыбучим потолком повиснув над землей.

Проснись и ты, заткни, вздымая длинной лапой
Со дна летецкого зловонное гнилье,
О Скука, затяни, молю тебя, заляпай
Проломы синих дыр, плодящих воронье.

Еще! Пусть сотни труб дымятся, злопыхая,
И сажи жирный склеп блуждающей тюрмой
Поглотит небосвод, и немота глухая
Сольется навсегда с вселенской мертвой тьмой!

Все! Небо умерло. Греховная, в тебе я,
Материя, хочу забыться навсегда
На пастбище твоём угаженном, тупея,
Где разлеглись людей счастливые стада!

Низверженный к идей возвышенных подножью,
Мой мозг, опустошась, как баночка румян,
Устал гримировать своей постыдной ложью
Зевающей Мечты уродливый изъян...

Но вот опять, лазурь, мне слышно, то и дело,
Сквозь гул колоколов — довольно! я устал! —
Как в злобной глубине, ревя осатанело,
Молитвенную синь струит живой металл!

Он рушится сквозь мрак, как благовест победный,
Пронзая, словно меч, щету душевных бурь,
Куда теперь бежать от этой пытки медной?
Во мне гудит лазурь! лазурь! лазурь! лазурь!

Подаяние

На, Нищий, но пока, дабы убраться вон,
Иссохшего сосца задерганное вымя
Кругляш за кругляшом не выжмешь этот звон.

И странного греха задумчивое имя...
Под пылкий рев фанфар слюнявыми, скорей,
И вдуй, чтобы свилось, хрипливое, своими.

Охряпистый болван с подскоком у дверей,
Не хочешь ли нюхнуть щекочущими зелье,
Которое, давай, кури его, ноздрей.

И вдребезги дурман стеклянное веселье!
В заманчивых вещах узнать известный толк?
И пей свою слюну, счастливый от безделья.

С прелестного бедра срывать, быть может, шелк?
На нищего глядят нарядные красотки,
Шум княжеских кафе пока еще не смолк.

Ты выйдешь, старый бог, с коленцами в походке,
И выпустишь струю, урча своим нутром,
И звезды у тебя тогда зажгутся в глотке!

Ты можешь сверх того украсить пером
И засветить свечу дорогою обратной
Святому — разрази меня на месте гром!

Не вздумай понимать, что речь мою превратной.
Ты будешь подыхать — я стану глух и слеп,
Поэтому прощай, забудь меня, о брат мой.

Смотри же, не купи на эти деньги хлеб!

* * *

Едва коснется тень заветного числа,
Как давняя мечта под сводами гробницы,
До ломоты в костях, желанная, приснится,
Победно распрямив во мне свои крыла.

В эбеновом дворце, где смерть переплела
— О, царственный соблазн! — созвучий вереницы,
Ты будешь, как гордец, обманутый в темнице,
Чей одинокий взор вдруг ослепила мгла.

Когда из звездных бездн, как отзвук иноверий,
Падет вселенский блик причудливых мистерий
На недостойный мир сквозь вечное всегда,

Пространство, возродясь, отвергнет изначальность
И низкие огни покатаются, — тогда
Астральным таинством зажжется гениальность.

Лебедь

Неправда! Разве он не в силах разорвать
Хмелеющим крылом покров остекленелый,
Пленительную гладь, где стиснул иней белый
Полетов стылый лед, которым не бывать!

Величественный царь без права выбирать
Среди надмирных грез высокого удела,
Где нет чтоб воспарить, чем ждать оцепенело,
Когда грядет зимы пронзительная рать!

Насильственный простор отвергнув с содроганьем,
Он гордо отряхнет предсмертное страданье
И не поднимет впредь заиндевелых крыл.

И Призрак, чьи черты светились там все боле
Бессильем ледяным, презрительный, застыл,
Как Лебедь, что уснул в бессмысленной неволе.

* * *

Бессонницы числом астрального декора
Над ониксом ногтей немотствующий фикс,
Как Феникс, окрылясь, из пепла явит икс,
Но амфора пуста для траурного сбора.

Оглушей скорлупой мерцает гулкий мникс,
Пустой библибилон ликующего вздора,
Которой, час настал, Хранитель Уговора
Исчерпать обречен слезами полный Стикс.

На севере, застыв в плену зеркальном взора
Над схваткой родовой, где крест вакантный, скоро
Узрит единорог ее бесплотных никс,

Нагая, мертвая, без скорбного убора,
Невинным облачком в потемках коридора
Семь отраженных звезд, подобно, сакрификс.

Комментарий

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Кризис стиха

Статья написана к двадцатилетию кончины Виктора Гюго. Малларме размышляет в ней о скрытых возможностях французского стиха, о глубинной сущности поэтического акта.

<...>

6. Разгадка этой странной фразы — в ней самой. Малларме приписывает слову *ORTHOGRAPHE* («орфография») латеральное значение, основываясь на традиции произнесения в древних, а также некоторых современных языках (в словах-заимствованиях) буквосочетания TH как звука (Ф). В результате *ORTHOGRAPHE* в данном контексте можно перевести как «орфическое описание». И действительно, в «Автобиографии» Малларме заявил, что видит своей целью «орфическое объяснение Земли». Тот факт, что Малларме склонен приписывать некоторым словам несвойственные им значения, заставляет внимательнее вчитываться в темные места его текстов. Об этом, похоже, предупреждает и Х. Л. Борхес, творчество которого пронизано реминисценциями из Малларме, если прочесть следующий фрагмент его «Вавилонской библиотеки» как скрытый комментарий к творческому методу, изобретенному французским поэтом: «Число *N* возможных языков использует один и тот же запас слов, в некоторых слово «библиотека» допускает верное определение: «всеобъемлющая и постоянная система шестигранных галерей», но при этом «библиотека» обозначает «хлеб» или «пирамиду» или какой-нибудь другой предмет, и шесть слов, определяющих ее, имеют другое значение. Ты, читающий эти строки, уверен ли ты, что понимаешь мой язык?» (Борхес Х.Л. *Проза разных лет* (М.: Радуга, 1984), с. 85). (См. комментарий к сонету «Бессонницы числом астрального декора...».)

<...>

Окна

Образ *КРЫЛЬЯ БЕЗ ПЕРЬЕВ* в заключительной строфе поэмы отсылает читателя к мифу об Икаре. Но возможно и другое прочтение, основанное на прямом натуралистическом восприятии того образа. В истории философии известен анекдот о Платоне, который однажды так определил понятие «человек»: «Это двуногое с плоскими когтями (ногтями) и без перьев». Платона тут же высмеял киник Диоген, который продемонстрировал ученикам философа ощипанного петуха со словами: «Смотрите, вот человек Платона!» Наконец, *КРЫЛЬЯ БЕЗ ПЕРЬЕВ* — это иносказание, подразумевающее творческое бессилие, которое постоянно преследовало Малларме.

Звонарь

Я допускаю, что «Звонарь» Малларме является поэтическим откликом на «Неудачу» Бодлера. Если предположить, что шахта рудокопов в «Неудаче» есть своего рода философская антитеза колокольни в «Звонаре», то между образами обоих сонетов

устанавливается смысловой параллелизм. Можно указать на фрагмент из Библии, общий для обоих текстов: «Человек полагает предел тьме, и тщательно разыскивает камень во мраке и тени смертной. Вырывают рудокопный колодезь в местах, забытых ногой, опускаются вглубь, висят и зыблются вдали от людей» (Иов 3—4). Что означает *КАМЕНЬ* в символической системе Малларме?

КАМЕНЬ Малларме, как и *КАМЕНЬ* Бодлера нельзя положить в основание храма. Из символа веры он превращается в символ сомнения, в философский камень поэзии.

Важно, однако, указать, что в «Звонаре» речь идет о православном колоколе (в католических колоколах ходит не язык, а чаша колокола, поэтому к ним не привешивают камня). Загадка «православия» Малларме объясняется тем, что во французском слове *ORTHODOXIE* («православие») присутствует тот же корень, что и в слове *ORTHOGRAPHE* (см. примечание 6 к статье «Кризис стиха»). Таким образом, поэт предлагает читателю скрытый неологизм, который можно перевести на русский язык как «орфославие».

Одиннадцатый стих сонета в дословном переводе звучит так: «Холодными грехами трепещет мое верное оперение». Если сравнить его с одиннадцатым стихом сонета «Лебедь» — «Но не ужас почвы, где схвачено его оперение», то смысл обоих темных речений полностью проясняется: перья лебедя, вмерзшие в лед, противопоставляются перу поэта, которое «застыло» в «холодных грехах» его поэтических экспериментов.

Подаяние

Малларме в экстравагантной форме перевыражает известный еще со времен античности анекдот. Однажды великому геометру Евклиду был задан вопрос, зачем нужна геометрия, если она не приносит никакой выгоды? Евклид приказал выдать вопрошающему обол, «ибо он ищет пользы».

«Едва коснется тень заветного числа...»

Стихотворение входит в цикл из четырех сонетов (мною переведено три), считающихся наиболее возвышенными произведениями Малларме, хотя поначалу они и отпугивают читателя герметизмом и вычурностью.

При рифмовке катренов поэт использует четыре (из пяти возможных во французском языке) рифмы: *VERTEBRES* («позвонки») — *FUNEBRES* («траурные») — *CELEBRES* («знаменитые») — *TENEBRES* («потемки»). За текстом осталась лишь одна нереализованная рифма — *ALGEBRES* («алгебры»). Слово «алгебра», возведенное во множественное число, есть троп мощного образного воздействия. Почему Малларме отверг его? Мы лучше пойдем за выбором поэта, если обратимся к часто цитируемому высказыванию Малларме: «Назвать предмет — значит на три четверти уничтожить прелесть, которая заключается в постепенном угадывании, внушить его — вот мечта».

Стихотворение прочитывается как признание поэта в творческом бессилии. Всего пять рифм оригинала предполагают некое загаданное содержание будущего сонета, идеально подходящее для этих рифмующихся слов и ими же порожаемое. Но поэт не может найти идеальное содержание для этой рифменной рамки, хотя и верит в его «предсуществование» в языке.

Лебедь

Мифологический сюжет сонета восходит к легенде о Сикнусе (Лебеде), сыне Аполлона и Ирии. Небывалая красота Сикнуса сочеталась в нем с неуживчивым нравом, поэтому в конце концов его покинули все друзья, последним из которых был Филиус — бог дружбы. Не выдержав одиночества, Сикнус бросился в озеро, но Юпитер не дал ему погибнуть и обратил в лебедя, а затем внес в Зодиак.

Нельзя экстраполировать легенду на биографию поэта прямо. Малларме был обаятельным и общительным человеком, в его доме на улице Ром собирались все интеллектуалы Европы. Однако художественные искания поэта были поняты лишь немногими. Стихотворение «Лебедь» — об одиночестве Малларме-поэта, а не Малларме-человека.

«Бессонницы числом астрального декора...»

В первоначальной версии стихотворение называлось «Сонет-аллегория самого себя». В нем использованы почти все рифмы, оканчивающиеся на звукообраз (IKS). Рифмовка оригинала сохранена в переводе. Если этот звукообраз прочесть как символ неизвестного в математике, то окончание «икс» будет олицетворять множество всех возможных рифм, в том числе и самое себя. Знак, означающий самого себя, — это одно из воплощений умирающего и возрождающегося из пепла Феникса.

Единственный во всем корпусе текстов Малларме явный неологизм *PTYX* паронимически связывается с сочетанием *PETITE IXE* («маленький икс»). Кроме того, французские комментаторы обнаружили в одном из редких словарей, что слово *PTYX* — древнегреческого происхождения и означает вид морского моллюска. В оригинале, действительно, говорится о некой «устраненной безделушке звучной ненужности» — *ABOLI BIBELOT D'INANITE SONORE*, где слово *BIBELOT* паронимически ассоциируется со словом *BIBLIOTHEQUE* («библиотека») и *BABILONE* («Вавилон»). Х. Л. Борхес продемонстрировал свое понимание этого образа Малларме, назвав один из своих рассказов «Вавилонская библиотека».

Зрительный образ раковины, занимающий известное место в эротических композициях рококо (кстати, в стихотворении Малларме «Негритянка» это уподобление прочитывается недвусмысленно), может быть истолкован и в противоположном смысле: конфигурацией спиралевидного конуса морская раковина напоминает Вавилонскую башню, как ее изображали на старинных гравюрах. Но башня, попадая в поле контекстов, связанных с эротическими аллюзиями, переосмысливается как символ мужского плодородия. Таким образом, «маленький икс» Малларме — это фалло-вульвическая эмблема, как одно из воплощений Феникса. Такое прочтение подкрепляется истолкованием образа Феникса у Бодлера в поэме «Семь стариков»: *DEGOUTANT PHENIX, FILS ET PERE DE LUI MEME?* («Омерзительный Феникс, сын и отец самого себя?»), где «отец и сын» (Бодлер намеренно меняет эти слова местами, маскируя богохульную аллюзию) обозначают дуальную божественную ипостась в католицизме.

НИКСЫ — три женских божества, к которым римлянки взывали при трудных родах.

ЕДИНОРОГ в сочетании с *ЗЕРКАЛОМ* в средневековье был магически связан с девственностью и непорочностью.